

На большой дороге

Тихон Евстигнеев, содержатель кабака на большой дороге.

Семен Сергеевич Борцов, разорившийся помещик.

Марья Егоровна, его жена.

Савва, старик-странник.

Назаровна

Ефимовна

Федя, прохожий фабричный.

Егор Мерик, бродяга.

Кузьма, проезжий.

Почтальон.

Кучер Борцовой.

Богомольцы, гуртовщики, проезжие и проч.

. На одной из скамей, развалясь, полулежит Федя и тихо наигрывает на гармонийке. Около него сидит Борцов, одетый в поношенное летнее платье.

На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна

Ефимовна (Назаровне). Потолкай-ка, мать, старца! Словно, никак, богу душу отдает.

Назаровна (поднимая с лица Саввы край сермяги). Божий человек, а божий человек! Жив ты, аль уж помер?

Савва. Зачем помер? Жив, матушка. (Приподнимаясь на локоть). Укрой-ка мне, убогонькая, ноги! Вот так. Правую больше. Вот так, матушка. Дай бог здоровья.

Назаровна (прикрывая Савве ноги). Спи, батюшка.

Савва. Какой уж тут сон? Было б терпенье муку эту перенести, а спанья, матушка, хоть и не надо. Не достоин грешник покой иметь. Это что шумит, богомолочка?

Назаровна

Федя. И гремит, и гудит, и шумит, и... конца краю нет! Гууу... словно лес шумит... Гууу... Ветер как собака воет... (Ежится.) Холодно! Одежда мокрая, хоть возьми и выжми, двери настежь... (Тихо наигрывает.) Размокла моя гармония, православные, никакой музыки нет, а то бы я вам такую концерту отшпандорил, что держись шапка! Великолепно! Кадрель ежели, или польку, положим... или какой русский куплетец... всё это мы можем. В городе, когда в коридорных при гранд-ателе состоял, денег не нажил, а в рассуждении гармонии все ноты превозошел. И на гитаре умею.

Голос из угла. Дурак, дурацкие и речи.

Федя. От дурака слышу.

Назаровна (Савве)

Ай помирать собираешься?

Федя. Ты бы, дедусь, водочки выпил. Ты выпьешь, а оно в животе погорит, погорит, да от сердца и оттянет малость. Выпей-ка!

Назаровна. Не бахвальничай, парень! Старик, может, душу богу отдает да о грехах кается, а ты слова такие, да с гармонией... Брось музыку-то! Глаза бесстыжие!

Федя. А ты чего к нему пристала? Ему невмочь, а ты... бабьи глупости... Он из праведности не может тебе грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что он тебя, дуру, слушает... Спи, дедусь, не слушай! Пушай болтает, а ты наплюй. Бабий язык чёртово помело, выметет из дому хитреца и мудреца. Наплюй... (Всплёскивает руками.) Да и худой же ты, братец ты мой! Страсть! Чисто как ни на есть мертвый шкилет! Никакой живности! Ай и впрямь помираешь?

Савва. Зачем помирать? Избави, господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а там и поднимусь с божьей помощью... Не попустит мать божия в чужой земле помереть... Помру дома...

Федя. Издалече сам?

Савва. Вологодский. Из самой Вологды... мещанин тамошний...

Федя. А где это Вологда?

Тихон. За Москвой... Губерния...

Федя. Тю, тю, тю... Занесло же тебя, борода! И всё пешком?

Савва. Пешком, паренек. Был у Тихона Задонского, а иду в Святые горы... Из Святых гор, коли на то воля господня, в Одест... Оттеда, сказывают, в Ерусалим задешево отправляют. Будто за двадцать один рупь...

Федя. А в Москве был?

Савва. Эва! разов пять...

Федя. Хороший город? (Закуривает.) Стоящий?

Савва. Святынь много, парень... Где святынь много, там везде хорошо...

Борцов (подходит к прилавку и Тихону). Еще раз прошу! Дай Христа ради!

Федя. Главное в городе, чтоб чистота была... Ежели пыль поливать, ежели грязь чистить. Чтоб дома высокие были... театр, полиция... извозчики, которые... Сам жил в городах, понимаю.

Борцов. Рюмочку... вот эту маленькую. В долг ведь! Отдам!

Тихон. Ладно.

Борцов. Ну прошу! Сделай милость!

Тихон. Ступай!

Борцов. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, невежа, если в твоей деревянной,

мужицкой голове есть хоть капля мозга, не я прошу, нутро, выражаясь по-твоему, по-мужицкому, просит! Болезнь моя просит! Пойми!

Тихон. Нечего нам понимать... Отходи!

Борцов. Ведь если я не выпью сейчас, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступление совершить. Я бог знает, что могу сделать! Видал ты, хам, на своем кабацком веку много пьяного люда, и неужели же ты до сих пор не сумел уяснить себе, что это за люди? Это больные! На цепь их сажай, бей, режь, а водки дай! Ну, покорнейше прошу! Сделай милость! Унижаюсь! Боже мой, как я унижаюсь!

Тихон. Деньги давай, тогда и водка будет.

Борцов. Где же мне взять денег? Все пропито! Всё дотла! Что же я могу тебе дать? Пальто вот только одно осталось, но дать тебе его я не могу... Оно на голом теле. Хочешь шапку? (Снимает шапку и подает ее Тихону.)

Тихон (осматривая шапку). Гм... Шапка шапке рознь... Дыр, словно в решете. Федя (смеется). Дворянская! По улице в ней ходить да перед мамзелями снимать. Здрасте, прощайте! Как поживаете?

Тихон (отдает Борцову шапку). И даром не надо. Навоз.

Борцов. Не нравится? В таком случае дай в долг! Буду обратно идти из города, занесу тебе твой пятак! Подайись тогда этим пятаком! Подайись! Пусть он у тебя поперек горла станет! (Кашляет.) Ненавижу!

Тихон (стуча кулаком о прилавок). Чего пристал? Какой-такой ты человек? Что за жулик? Зачем пришел?

Борцов. Выпить хочу! Не я хочу, болезнь моя хочет! Пойми!

Тихон. Не выводите меня из моего терпения! Живо в степи будешь!

Борцов. Что же мне делать? (Отходит от прилавка.) Что же делать? (Задумывается.)

Ефимовна. Это тебя нечистый мутит. Ты плюнь, барин. Он тебе, окаянный, шепчет: выпей! выпей! А ты ему: не выпью! не выпью! Отстанет!

Федя. В башке-то, небось тру-ту-ту-ту... Животы подвело! (Хохочет.) Блажной ты, ваше благородие! Ложись-ка спи! Нечего пугалом посередь кабака торчать! Не огород нашел!

Борцов (со злобой). Молчи! Тебя не спрашивают, осел!

Федя

Назаровна. Старец, может, молитву творит и душу богу отдает, а они, нечестивцы, друг дружку задирают да слова разные... Срамники!

Федя. А ты, кочерыжка, коли в кабак попала, не хныкай! В кабаке и кабацкий обычай.

Борцов. Как же мне быть? Что делать? Как мне дать ему понять? Какое же еще нужно красноречие? (Тихону.) Кровь запеклась в груди! Дядя Тихон! (Плачет.) Дядя Тихон!

Савва (стонет). Стреляет в ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Ефимовна. Что, батюшка?

Савва. Кто это плачет?

Ефимовна. Барин.

Савва. Попроси барина, пушай и за меня слезу прольет, чтоб довелось в Вологде помереть. Слезная молитва угодней.

Борцов. Не молюсь я, дед! Не слезы это! Сок! Сдавило мою душу и сок течет. (Садится у ног Саввы.) Сок! Впрочем, не понять вам! Не понять, дед, твоему темному разуму. Темные вы люди!

Савва. Где ж светлых-то взять?

Борцов. Есть, дед, светлые... Они бы поняли!

Савва. Есть, есть, родимый... Святые светлые были... Они всякое горе понимали... Ты им и не говори, а они поймут... В глаза тебе взглянут поймут... И такое тебе утешение после их понятия, словно и горя не было рукой снимет!

Федя. А ты нешто видал святых?

Савва. Случалось, паренек... На земле всякого народу много. Есть и грешники, есть и божьи слуги.

Борцов. Ничего не понимаю... (Быстро поднимается.) Разговоры нужно понимать, а разве у меня теперь есть разум? У меня есть инстинкт, жажда! (Быстро подходит к прилавку.) Тихон, возьми пальто! Понимаешь? (Хочет снять пальто). Пальто...

Тихон. А под пальтом что? (Смотрит Борцову под пальто.) Голое тело? Не снимай, не возьму... Не стану я брать греха на душу.

Борцов. Хорошо, я грех беру на себя! Согласен?

Мерик (молча снимает сермягу и остается в поддевке. За поясом топор). Кому холодно, а медведю да не помнящему родства всегда жарко. Вопрею! (Кладет на пол топор и снимает поддевку.) Покуда из грязи ногу вытащишь, так с тебя ведро пота стечет. Одну ногу вытащил, а другая вязнет.

Ефимовна. Это так... Родненький, дождик не меньше?

Мерик (поглядев на Ефимовну). С бабами не рассуждаю.

Борцов (Тихону). На себя грех беру! Да ты слышишь или нет?

Тихон. И слышать не желаю, отстань!

Мерик. Темень, словно кто дегтем небо вымазал. Носа не видать. А дождь в рожу бьет, что твоя пурга... (Берет в охапку одежду и топор.)

Федя. Для вашего брата, жулика, это первое дело. Зверь хищный прячется, а вам праздник, шутам.

Мерик. Который человек говорит эти слова?

Федя. Погляди... чай, не повылазило.

Мерик. Так и запишем... (Подходит к Тихону.) Здорово, мордастый! Аль не спознал?

Тихон. Коли ежели вас всех пьяниц спознавать, что по большой дороге ходит, так для этого самого во лбу, почитай, десять дыр надо.

Мерик. А ты погляди...

Тихон. А и то спознал, скажи на милость! По глазищам спознал! (Подает руку.) Андрей Поликарпов?

Мерик. Был Андрей Поликарпов, а нынче, почитай, Егор Мерик.

Тихон. Зачем так?

Мерик

Борзых тут нету?

Тихон. Какие борзые! Все больше мошка да комары... Народ мякенький...

Борзые теперича, чай, на перинах дрыхнут... (Громко.) Православные, стерегите карманы да одежонку, коли жалко! Лихой человек! Скрадет!

Мерик. Ну, деньжонки пуцай берегут, ежели есть, а касательно одежи не трону. Брать некуда.

Тихон. Куда нелегкая несет?

Мерик. В Кубань.

Тихон. Эва!

Федя. В Кубань? Ей-богу? (Приподнимается.) Славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и боже ты мой! Трава круглый год растет, народ душа в душу, земли девать некуда! Начальство, сказывают... мне намерении один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!

Мерик. Счастье... Счастье за спиной ходит... Его не видать... Коли локоть укусишь, и счастье увидишь... Одна глупость... (Оглядывает скамьи и народ.) Словно привал арестантский... Здорово, нужда!

Ефимовна (Мерику). Глазища-то какие злющие!.. В тебе, парень, ворог сидит... Ты на нас не гляди.

Мерик. Здорово, беднота!

Ефимовна. Отвернись! (Толкает Савву.) Саввушка, на нас злой человек глядит! Испортит, родименький! (Мерику.) Отвернись, говорю, аспид!

Савва. Не тронет, матушка, не тронет... Не попустит бог.

Мерик. Здорово, православные! (Пожимает плечами.) Молчат! Ведь не спите же, косолапые! Чего же молчите?

Ефимовна. Отверни глазищи-то! Гордыню бесовскую отверни!

Мерик. Молчи ты, старая карга! Не гордыней бесовской, а лаской и словом добрым хотел почесть долю горькую! Словно мухи жметесь от холода ну,

жалко стало, хотел доброе слово вымолвить, нужду приголубить, а вы рожи воротите! Что ж? И не надо! (Подходит к Феде.) Из каких будете?

Федя. Тутошние, хамоньевские заводские. С кирпичных заводов.

Мерик. Встань-кась!

Федя (приподнимаясь). Ну?

Мерик. Вставай! Совсем вставай, я тут лягу...

Федя. То-ись... Твое место, што ли?

Мерик. Мое. Поди ложись наземь!

Федя. Проходи, прохожий... Не испужался...

Мерик. Прыткий... Ну, ступай, не разговаривай! Плакаться будешь, глупый человек!

Тихон (Феде). Не прекословь ему, парень! Наплюй!

Федя. Какую ты имеешь полную праву? Вытаращил свои щучьи глазищи и думаешь испужался! (Собирает свой скарб в охапку, идет и постилает себе на полу.) Чёрт! (Ложится и укрывается с головой.)

Мерик (постилает себе на скамье). Стало быть, не видал ты чёрта, коли им меня обзываешь. Черти не такие. (Ложится и кладет рядом с собой топор.)

Ложись, топорик, братик... Дай я тебе топорище укрою.

Тихон. Топор где взял?

Мерик. Украл... Украл, а теперь вот и ношусь с ним, как с писаной торбой: и бросать жалко и девать некуда. Как жена постылая... Да... (Укрывается.)

Черти, брат, не такие...

Федя (высовывая голову из-под сермяги). А какие?

Мерик. Они как пар, дух... Дунуть вот (дует), такие и они. Видеть их невозможно.

Голос из угла. Ежели под борону сесть, так увидишь.

Мерик. Сидел, не видал... Бабы врут да глупые мужики... Ни черта не увидишь, ни лешего, ни мертвеца... Глаз не так сотворен, чтоб все увидеть можно было... Когда мал был, нарочито по ночам в лес ходил лешего поглядеть... Кричу, кричу, бывало, что есть духу, зову лешего и глазами не моргаю: пустяк разный мерещится, а лешего не видать. На погост по ночам ходил, мертвецов желал видеть врут бабы. Зверье всякое видывал, а что насчет страшного на-кася выкуси! Глаз не тот...

Голос из угла. Не говори, бывает так, что и увидишь... В нашей деревне потрошил один мужик кабана... Распорол этта требуху, а оттеда как выскочит!

Савва (приподнимаясь). Ребятюшки, не поминайте вы нечистого! Грех, милые!

Мерик. Ааа... седая борода! Шкилет! (Смеется.) Не надо и на погост итить, свои мертвецы из-под пола вылезают наставления читать... Грех... Не с вашим глупым понятием людей наставлять! Народ вы темный, в невежестве...

(Закуривает трубку.) Отец мой был мужик и тоже любил, бывало, наставлять.

Накрал раз у попа ночью мешок яблок, приносит нам да и наставляет: Вы же, ребята, глядите, до Спаса не лопаите яблок, потому грех... Так и вы... Черта вспоминать нельзя, а чертить можно... К примеру, хоть эту вот каргу взять... (Указывает на Ефимовну.) Во мне ворога увидела, а, небось, сама на своем веку из-за женских глупостей раз пять чёрту душу отдавала.

Ефимовна. Тьфу, тьфу, тьфу!.. С нами крестя сила! (Закрывает лицо руками.) Саввушка!

Тихон

Мерик (потягивается)

Тоска!

Назаровна. Молитву сотвори, идол! Что мечешься?

Ефимовна. Не трожь его, чтоб ему пусто! Опять на нас глядит! (Мерику.) Не гляди, злой человек! Глаза-то, глаза, словно у беса перед заутреней!

Савва. Пуцай глядит, богомолочки! Молитву творите, глаз и да пристанет...

Борцов. Нет, не могу! Выше сил моих! (Подходит к прилавку.) Послушай, Тихон, в последний раз прошу... Полрюмки!

Тихон (качает отрицательно головой). Деньги!

Борцов. Боже мой, да ведь я уже сказал тебе! Всё пропито! Откуда же я возьму тебе? И неужто ты разоришься, если дашь мне в долг каплю водки? Рюмка водки стоит тебе грош, меня же избавит она от страданий! Страдаю! Не блажь тут, а страдание! Пойми!

Тихон. Поди рассказывай кому другому, а не мне... Ступай, проси вон у православных, пуцай подносят тебе Христа ради, ежели желают, а я Христа ради только хлеб подаю.

Борцов. Дери ты с них, бедняков, а я уж... извини! Не мне их обирать! Не мне! Понимаешь? (Стучит кулаком о прилавок.)

А ведь это идея, православные! Пожертвуйте пятачишку! Нутро просит! Болен!

Федя. Ишь ты, пожертвуйте... Жулик... А водицы не хочешь?

Борцов. Как я унижаюсь! Как унижаюсь! Не надо! Ничего мне не надо! Я шутил!

Мерик. Не выпросишь у него, барин... Известный жила... Пстой, у меня где-то пятачишка валялся... Оба стакашку выпьем... напополам... (Роеся в карманах.) Черт... застрял где-то... Кажись, намедни что-то звякало в кармане... Нет, нету... Нету, брат! Счастье твое такое!

Борцов. Не выпить мне нельзя, иначе я преступление совершу или на самоубийство решусь... Что же делать, боже мой! (Глядит в дверь.) Уйти разве? Пойти в эти потемки, куда глаза глядят...

Мерик. Что же вы, богомолочки, ему наставления не прочтете? А ты, Тихон, отчего его наружу не выгонишь? Ведь он не заплатил тебе за ночлег. Гони его,

толкай в шею! Эх, жесткий нынче народ. Нет в нем мягкости и доброты... Лютый народ! Тонет человек, а ему кричат: Тони скорей, а то глядеть некогда, день рабочий! А про то, чтоб ему веревку бросить, и толковать нечего...
Веревка деньги стоит...

Савва. Не осуждай, добрый человек!

Мерик. Молчи, старый волк! Лютый вы народ! Ироды! Душепродавцы!

(Тихону.) Пошел сюда, сними мне сапоги! Живо!

Тихон. Эх, расходился! (Смеется.) Ужаси!

Мерик

Тихон. Ну, ну... будет!

Мерик. Я желаю, живодер, чтоб ты у меня, у нищего бродяги, сапоги снял!

Тихон. Ну, ну... не серчай! Поди, стаканчик выпей... Иди выпей!

Мерик. Люди, чего я желаю? Чтоб он меня водкой угощал или чтоб сапоги снял? Нешто я оговорился, не так сказал? (Тихону.) Ты, стало быть, не расслышал? Погожу минутку, авось расслышишь.

Тихон. Нелегкая тебя принесла! (Выходит из-за прилавка.) Барин какой нашелся! Ну, давай, что ли? (Снимает с Мерика сапоги.) Каиново отродье...

Мерик. Вот так. Поставь их рядом... Вот так... Ступай!

Тихон (снявши сапоги, идет за прилавок). Больно ты любишь мудрить!

Помудри еще у меня, так живо из кабака вылетишь! Да! (Подходящему Борцову.) Ты опять?

Борцов. Видишь ли, я, пожалуй, могу дать тебе одну золотую вещь... Изволь, если хочешь, я тебе дам...

Тихон. Чево трясешься? Говори толком!

Борцов. Хоть это подло и мерзко с моей стороны, но что же делать? Я решаюсь на эту мерзость, будучи невменяем... Меня и на суде оправдали бы... Возьми, но только с условием: возратить мне потом, когда буду обратно из города идти. Даю тебе при свидетелях... Господа, вы будьте свидетелями! (Достает из-за пазухи золотой медальон.) Вот он... Портрет надо бы вынуть, да некуда мне его положить: я весь мокрый!.. Ну, грабь с портретом! Только вот что... ты тово... пальцами не прикасайся к этому лицу... Прошу... Я, голубчик, был груб с тобою... глуп, но ты извини и... не трогай пальцами... Не гляди своими глазами на это лицо... (Подает Тихону медальон.)

Тихон (рассматривает медальон). Краденые часики... Ну, да ладно, пей... (Наливает водки.) Трескай...

Борцов. Только ты пальцами... не тово... (Пьет медленно, с судорожной расстановкой.)

Тихон (открывает медальон). Гм... Мадама!.. Откуда это ты подцепил такую?

Мерик. А покажь-ка! (Встает и идет к прилавку.) Дай-ка поглядеть!

Тихон (отстраняет его руку). Куда лезешь? Из рук гляди!

Федя (поднимается и идет к Тихону). Дай-кась и я погляжу!

Мерик (крепко обеими руками держит руку Тихона с медальоном и молча смотрит на портрет)

Федя. Из барынь... Щеки этта, глаза... Оттопырь руку-то, не видать! Волосья по самый пояс... Чисто как живая! Говорить собирается...

Мерик. Для слабого человека это первая гибель. Сядет этакая верхом на шею и... (машет рукой) и крышка тебе!

Кузьма (входит). Стоит кабачок на пути ни проехать, ни пройти. Мимо отца родного днем поедешь, не заметишь, а кабаки и в потемках за сто верст видать. Расступись, кто в бога верует! Ну-кась! (Стучит пятаком о прилавок.)
Стакан мадеры настоящей! Живо!

Федя. Ишь ты, черт верченый!

Тихон. Руками-то не размахивай! Зацепишь!

Кузьма. На то они и от бога дадены, чтобы ими размахивать. Растаяли, сахарные, тетка ваша подкурятина! Дожда испужались, нежные! (Пьет.)

Ефимовна. Испужаешься, добрый человек, коли на пути такая ночь захватит. Таперича, слава богу, благодать, по дорогам деревень и дворов много, есть где от погоды уйти, а допрежь и не приведи создатель что было! Сто верст пройдешь и не токмо что деревни или двора, щепочки не узришь. Так и ночеешь на земле...

Кузьма. А давно, баба, на свете маешься?

Ефимовна. Восьмой десяток, батюшка.

Кузьма. Восьмой десяток! Скоро доживешь до вороньего века. (Глядит на Борцова.) А это что за изюмина? (Глядит в упор на Борцова.)

Борцов. Молчи!

Мерик (Кузьме). Кто это?

Кузьма. Мученик несчастный! (Нервно ходит около прилавка.) А? В кабаке, скажи на милость! Оборванный! Пьяный! Я встревожился, братцы...

Встревожился... (Говорит Мерiku полущёпотом.) Это наш барин... наш помещик, Семен Сергеич, господин Борцов... Видал, в каком виде? На какого человека он похож таперя? То-то вот... пьянство до какой степени...

Налей-кась! (Пьет.) Я из его деревни, из Борцовки, может, слышали, за двести верст отседа, в Ерговском уезде. Крепостными у его отца были... Жалость!

Мерик. Богатый был?

Кузьма. Большой...

Мерик. Профуфырил отцовское-то?

Кузьма. Нет, судьба, друг милый... Господин был большой, богатый, тверезый... (Тихону.) Чай, сам, небось, видывал, как, бывалыча, тут мимо кабака в город ездывал. Лошади барские, шустрые, коляска лесорная первый

сорт! Пять троек держал, братец ты мой... Лет пять назад, помню, едет тут через Микишкинский паром и вместо пятака рупь выкидывает... Некогда, говори, мне сдачу ждать... В-во!

Мерик. Ума, стало быть, решился.

Кузьма. Словно как будто ум и при нем... Из малодушества всё вышло! С жиру! Первое дело, ребята, из-за бабы... Полюбил он, сердешный, одну городскую, и представилось ему, что краше ее на всем свете нет...

Полюбилась ворона пуще ясна сокола. Из благородных девушка... Не то чтобы какая беспутная или что, а так... вертуха... Хвостом верть! верть! Глазами щурь! щурь! И все смеется, и всё смеется! Никакого ума... Барам это ндравится, по-ихнему умная, а по-нашему, по-мужицкому взял бы да со двора прогнал... Ну... полюбилась и пропадай ты, доля барская! Стал с ней хороводиться, то да се, чай да сахар, прочее... на лодках всю ночь ездют, на фортепьянах...

Борцов. Не рассказывай, Кузьма! К чему? Какое им дело до моей жизни?

Кузьма. Извините, ваше высокоблагородие, я только самую малость...

Рассказал им и будет с них... Я малость, потому встревожился... Очень уж я встревожился! Налей-кась! (Пьет.)

Мерик (полушепотом). А она его любила?

Кузьма (полушёпотом, который постепенно переходит в обыкновенную речь). Как не любить? Барин не пустяковый... Полюбишь, коли ежели тыща десятин да денег куры не клюют... Сам-то солидный, сановитый, тверезый... каждого начальства всё одно, как вот я тебя сичас... за ручку... (берет Мерика за руку) здрасте и прощайте, милости просим... Ну, прохожу однажды, это самое, вечером, через сад господский... сад-то, брат, ввво! верстами меряй... иду потихоньку, смотрю это, а они сидят на лавочке и друг дружку (изображает звук поцелуя) целуют. Он ее раз, она, змея, его два... Он ее за белу ручку, а она вся вспых! и жметя, так и жметя к нему, чтоб ей... Люблю, говорит, тебя, Сеня... А Сеня, как окаянный человек, ходит с места на место и счастьем похваляется с малодушества... Тому рупь, тому два... Мне на лошадь дал. Всем долги простил на радостях...

Борцов. Ах... Ну к чему рассказывать? У этого народа никакого сожаления... Больно ведь!

Кузьма. Я малость, барин! Просют! Отчего чуточку не рассказать? Ну, ну, я не буду, ежели серчаете... Не буду... Мне плевать на них...

Федя. Ты не ори, потихоньку...

Кузьма. Я и так потихоньку... Не велит, ничего не поделаешь... Да и рассказывать больше нечего. Повенчались вот и всё... Больше ничего и не было. Налей-кась Кузьме бессребренику! (Пьет.) Не люблю пьянства! В самый раз, когда господам, после венца, за ужин садиться, она возьми да и убеги в

кажете... (Шёпотом.) В город к аблакату дернула, к полюбовнику... А? Какова? В самый настоящий момент! То-ись... убить мало!

Мерик (задумчиво). Да... Ну что же дальше?

Кузьма. Очумел... Вот, как видишь, стал зашибать муху и ноне, сказывают, до шмеля дошел... То были мухи, а теперь шмель... И до сей поры любит.

Погляди: любит! Должно, идет таперь пешком в город на нее одним глазочком взглянуть... Взглянет и назад...

Тихон. А нынче запоздала пошта!

Голос из угла. В этакое ненастье пошту ограбить раз плюнуть!

Мерик

Кузьма. Каторги понюхать желательно?

Мерик. Люди грабят, не нюхают. Да хоть и каторга! (Резко.) Дальше что?

Кузьма. Ты про несчастного?

Мерик. А то про кого же?

Кузьма. Второе дело, братцы, откуда разоренье пошло зять, сестрин муж... Вздумал он за зятя в банковом обчестве поручиться... тысяч на тридцать... Зять любит взять... известно, знает, шельма, свой интерес и ухом своим свиным не ведет... Взял, а платить не надоть... Наш так и заплатил все тридцать. (Вздыхает.) Глупый человек за глупость и муки терпит. Жена с аблакатором детей прижила, а зять около Полтавы именье купил, наш же, как дурак, по кабакам ходит да нашему брату мужику жалится: Потерял я, братцы, веру! Не в кого мне теперь, это самое, верить! Малодушество? У всякого человека свое горе бывает, змеей за сердце сосет, так и пить, значит? Взять, к примеру, хоть нашего старшину. Жена к себе учителя среди бела дня водит, мужнины деньги на хмель изводит, а старшина ходит себе да усмешки на лице делает... Поосунулся только малость...

Тихон (вздыхает). Кому какую бог силу дал...

Кузьма. Сила разная бывает, это правильно... Ну? Сколько тебе?

(Расплачивается.) Забирай кровные! Прощай, ребята! Спокойной вам ночи, приятного сна! Бегу, пора... Акушерку к барыне из больницы везу... Чай, заждалась сердешная, размокла... (Убегает.)

Тихон (после паузы). Эй, ты! Как вас? Несчастный человек, иди выпей! (Наливает.)

Борцов (подходит нерешительно к прилавку и пьет). Значит, теперь я тебе за два стакана должен.

Тихон. Какой уж тут долг? Пей вот и все! Заливай горе бедой!

Федя. Выпей, барин, и мое! Эх! (Бросает пятак на прилавок.) Пить помирать и не пить помирать! Без водки хорошо, а с водкой, ей-богу, вольготней! При водке и горе не горе... Жарь!

Борцов. Фу! Горячо!

Мерик. Дай-ка сюда! (Берет у Тихона медальон и рассматривает портрет.)

Гм... После венца ушла... Какова?

Голос из угла. Нацеди-ка ему, Тиша, стаканчик. Пусть и мое выпьет!

Мерик (с силой бьет медальоном о пол). Проклятая! (Быстро идет на свое место и ложится лицом к стене.)

Борцов. Это что же? Что же это такое? (Поднимает медальон.) Как ты смеешь, скотина? Какое ты имеешь право? (Плаксиво.) Ты хочешь, чтоб я тебя убил? Да? Мужик! Невежа!

Тихон. Будет, барин, серчать... Не стеклянное, не разбилось... Выпей-ка еще, да спать... (Наливает.) Заслушался вас тут, а давно уж пора кабак запирают, (Идет и запирает наружную дверь.)

Борцов (пьет). Как он смеет? Этаким ведь дурак! (Мерику.) Понимаешь? Ты дурак, осел!

Савва. Ребятушки! Почтенные! Положите хранение устом! Какая польза от шума? Дайте спать людям!

Тихон. Ложитесь, ложитесь... Будет вам! (Идет за прилавок и запирает ящик с выручкой.) Спать пора!

Федя. Пора! (Ложится.) Приятного сна, братцы!

Мерик (встает и постилает на скамье полушубок). Иди, барин, ложись!

Тихон. Ты же где ляжешь?

Мерик. Где придется... Хоть и на полу... (Постилает сермягу на полу.) Мне всё равно. (Кладет рядом с собой топор.) Ему на полу спать мука... Привык к шелку да к вате...

Тихон (Борцову). Ложись, вате благородие! Будет тебе на патрет глядеть! (Тушит свечу.) Брось ты ее!

Борцов (пошатываясь). Где же мне лечь?

Тихон. На бродягино место! Чай, слыхал, уступает тебе!

Борцов (подходит к уступленному месту). Я тово... опьянел... Это... что же? Тут мне ложиться? А?

Тихон. Тут, тут, не бойся, ложись... (Растягивается на прилавке.)

Борцов (ложится). Я... пьян... Все кругом... (Открывает медальон.)

Пьяный! А разве над пьяным можно смеяться? Ты пренебреги, как говорит Счастливец, и... полюби пьяного.

Федя. Ветер-то как воет! Жутко!

Борцов (смеется). Какая ты... Разве можно так кружиться? Тебя не поймаешь!

Мерик. Бредит. На партрет загляделся. (Смеется.) Комиссия! Образованные господа всякие машины и лекарства повывдумывали, а нет еще того умного человека, чтоб нашел лекарство от женского пола... Ищут, как бы все болезни лечить, а того и вдомек не берут, что от бабья народа пропадает больше, чем

от болезней... Лукавы, сребролюбы, немилостивы, никакого ума... Свекровь изводит невестку, невестка норовит как бы облукать мужа... И конца нет... Тихон. Натрепали ему бабы вихор, вот он и топорщится.

Мерик

Федя. Бабы?

Мерик. Тоже как вот и барин... Ходил, как окаянный, замороженный, счастьем похвалялся... день и ночь как в огне, а пришла пора, открыл глаза... Не любовь была, а одно только обманство...

Федя. Что ж ты ей сделал?

Мерик

Тихон

Кто стучит? Проходи, заперто!

Голос за дверью. Впусти, Тихон, сделай милость! Рессора в карете лопнула! Помоги, будь отцом родным! Веревочкой бы только обвязать, а потом уж как-нибудь доехали бы...

Тихон. Кто едет?

Голос за дверью. Барыня едет из города в Варсонофьево... Пять верст только осталось... Помоги, сделай милость!

Тихон. Поди, скажи барыне, коли даст десять рублей, так и веревка будет и рессору починим...

Голос за дверью. Взбесился ты, что ли? Десять рублей! Собака ты бешеная! Рад людскому горю!

Тихон. Как знаешь... Не хочешь и не нужно...

Голос за дверью

Тихон. Милости просим! (Отворяет дверь и впускает кучера.)

Кучер. Здорово, православные! Ну, давай веревку! Скорей! Ребята, кто пойдет поможет? На чай перепадет!

Тихон. Нечего там на чай... Пушай дрыхнут, вдвоем справимся.

Кучер. Фуй, измаялся весь! Холодно, в грязи, ни одного сухого места... Вот что еще, милый... Нет ли у тебя здесь комнатки, барыне погреться? Карету покривило набок, сидеть никак невозможно...

Тихон. Какой еще там комнаты захотела? Пушай здесь греется, коли озябла... Найдем место. (Подходит к Борцову и очищает около него место.) Вставайте, вставайте! Поваляйтесь часик на полу, покада барыня погрееется. (Борцову.) Привстань-ка, ваше благородие! Посиди! (Борцов приподнимается.) Вот тебе и место.

Федя. Вот вам и гостья, шут ее принес! Таперь до света не уснешь!

Тихон. Жалко, что я пятнадцати не запросил... Дала бы... (Останавливается перед дверью в ожидательной позе.) Вы же, народ, поделикатней... Не говорите слов...

и за нею кучер

и кучер

Тихон (кланяется). Милости просим, ваше сиятельство! Жилье наше мужицкое, тараканье. Не побрезгуйте!

Марья Егоровна. Я тут ничего не вижу... Куда же мне идти?

Тихон. Сюда, ваше сиятельство! (Ведет ее к месту около Борцова.) Сюда, милости просим! (Дует на место.) Комнатки у меня отдельной, извините, нету, но вы, сударыня, не сомневайтесь: народ хороший, тихий...

Марья Егоровна (садится рядом с Борцовым). Какая ужасная духота! Отворите по крайней мере хоть дверь!

Тихон. Слушаю-с! (Бежит и отворяет настежь дверь.)

Мерик. Народ зябнет, а они двери настежь! (Встает и захлопывает дверь.) Что за указчица? (Ложится.)

Тихон. Извините, ваше сиятельство, это у нас дурачок... юродивенький... Но вы не пужайтесь, не обидит... Только извините, барыня, я за десять рублей не согласен... За пятнадцать, ежели угодно....

Марья Егоровна. Хорошо, только поскорей!..

Тихон. Сею минутого... Мигом мы это самое... (Вытаскивает из-под прилавка веревки.) Сею минутою...

Борцов (вглядывается в Марью Егоровну). Мари... Маша...

Марья Егоровна (глядя на Борцова). Что еще?

Борцов

Мари, это я... Я! (Хохочет.) Моя жена! Мари! Да где же я нахожусь? Люди, огня!

Марья Егоровна. Отойдите прочь! Лжете, это не вы! Невозможно! (Закрывает лицо руками.) Это ложь, глупость!

Борцов. Голос, движения... Мари, это я! Сейчас я перестану... быть пьян...

Голова кружится... Боже мой! Постой, постой... я ничего не понимаю.

(Кричит.) Жена! (Падает к ее ногам и рыдает.)

Марья Егоровна. Отойдите прочь! (Кучеру.) Денис, едем! Я не могу здесь долее оставаться!

Мерик (вскакивает и пристально вглядывается ей в лицо). Портрет! (Хватает ее за руку.) Она самая! Эй, народ! Жена баринова!

Марья Егоровна. Пошел прочь, мужик! (Старается вырвать у него свою руку.)

Денис, что же ты смотришь? (Денис и Тихон подбегают к ней и хватают Мерика под руки.) Это разбойничий вертеп! Пусти же руку! Не боюсь я!..

Подите прочь!

Мерик. Постой, сейчас отпущу... Дай мне сказать тебе одно только слово...

Одно слово, чтоб ты Поняла... Постой... (Оборачивается к Тихону и Денису.)

Прочь вы, хамы, не держите! Не выпущу, покуда слова не скажу! Постой... сейчас. (Бьет себя кулаком по лбу.) Нет, не дал бог разума! Не могу я тебе этого слова придумать!

Марья Егоровна (вырывает руку). Поди ты прочь! Пьяницы... Едем, Денис! (Хочет идти к двери.)

Мерик (загораживает ей дорогу). Ну, погляди ты на него хоть одним глазом! Приголубь ты его хоть одним словечком ласковым. Богом молю!

Марья Егоровна. Возьмите от меня этого... юродивого.

Мерик. Так пропадай же ты, проклятая, пропадом! (Взмахивает топором.)

Борцов (ловит в воздухе руками). Мари... Где же ты, Мари!

Назаровна. Боже мой, боже мой... Душеньку мою надорвали вы, убивцы! И что за ночь окаянная!

Мерик (опуская руку с топором). Убил я ее, аль нет?..

Тихон. Благодари бога, цела твоя голова...

Мерик. Не убил, стало быть... (Пошатываясь, идет к своей постели.) Не привела судьба помереть от краденого топора... (Падает на постель и рыдает.)

Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!

Занавес